

A detailed illustration of a muscular dragon with long black hair and a tribal tattoo on his cheek, embracing a woman with long brown hair and blue eyes. The dragon has a red, star-shaped mark on his chest. The woman has a tearful expression. The background is dark with orange and blue light effects, suggesting a fiery or magical environment. A small circular logo with '18+' is in the top left corner.

18+

ДРАКОН БЕРЁТ СВОЁ

МОРА СКАРР • ХАННА ЛЕНШЕР

Мора Скарр Ханна Леншер Дракон берёт своё

<https://litres.ru/74394872>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привезли раненого, которого зацепило на передовой. Немой, мрачный, слишком горячий на ощупь, и раны на нём затягивались так, как ни у кого не должны. Я это заметила... и промолчала.

Одну ночь я провела с ним, а потом клялась себе, что выдумала её.

Теперь он достаёт меня через воду. Стоя под душем, я чувствую его объятия, слышу его голос в голове. И уже не понимаю, где реальность, а где сон.

Отец продал меня поговору кланов, как племенную кобылу. Жених застегнул на моей шее сапфировый ошейник, пряча метку над ключицей. Ему от меня нужен только наследник.

А зверь, которого весь мир считает безмозглым оружием ведьм, выбрал меня. И летит за своим.

- Скажи, что хочешь, чтобы я пришёл наяву.
- Хочу. Приходи, Гарр.
- Приду, лиса. И будет жарко.

Считала себя его добычей, а оказалась королевой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ханна Леншер, Мора Скарр Дракон берёт своё

Глава 1

Гарр

Она была подо мной, и это ее ошибка. Я держал девушку за горло и чувствовал, как ее пульс бьет мне в кожу. От тонкой шеи шло тепло. Все в этом сером мире погрузилось в холод, кроме нее. Она грела мне руку, и от этого хотелось сжать, чтобы забрать тепло себе. У меня внутри еще слишком мало огня, а ее жар притягивал.

Другая моя ладонь легла ей на грудь и накрыла целиком. Нет, грудь не то слово. Мурга. Так по-нашему. Слова этого человеческого мира выглядели для меня мертвыми, их влили мне в глотку ведьмы, когда вытащили из-подо льда.

Мой большой палец нашел твердую точку под тканью халата, надавил, и девушка выгнулась всем телом. Ее грат каменел от каждого моего касания.

Я смотрел на нее и ждал, что она будет мягкой, как все женщины подо мной. Но эта была не такая. Собранная и готовая прыгнуть в любой момент. Синие глаза прожигали меня. Каштановая прядь выбилась и легла поперек щеки. От нее шел сладкий запах, ведьмы пахли иначе. Каким-то холо-

дом. Здесь же я впервые чувствовал приторный аромат диковинных фруктов. И он манил.

Девушка лишь на секунду взглянула на выход. Скапп! Это было почти хорошо. Потому что от меня не убегают, а если пытаются, я превращаюсь в хищника.

А потом она качнула бедрами, чтобы выбраться из-под меня, и сделала еще одну ошибку, потому что низ живота свело так, что я забыл, зачем я вообще здесь. Врах разом встал и уперся в штаны до боли. Повел меня туда, куда я не собирался...

Как я здесь оказался?

На секунду закрыл глаза, и передо мной мелькнули все прошедшие дни.

Я думал, что умру здесь, на чужой земле, лежа в мокром папоротнике и глядя в чистое небо, где недавно парил по праву высшего существа. Оружие клыкастых изрешетило мне чешую, и рунические пули вошли в бок. Благо не остались внутри, но жгло так, что хотелось выть.

Во мне остывал огонь, а вместе с ним уходил и я.

Захр! Все превратилось в пепел!

Я знал, что оборотни скоро будут. Их запах слышно за версту. И тогда либо меня убьют, узнав, что я такое, либо я выживу. Но только если сделаю то, чего от нас не ждут.

Я стянул с себя огонь и начал обращаться. Скрутил кости и отдал крылья, оставив валяться на земле нечто голое и беспомощное. Мы недавно научились так делать, и немногие

из нас на это способны. Обратни еще не знают, что мы это умеем. В этом мой шанс.

Мне нужно притвориться человеком, которого зацепило драконом.

И пока я лежал, вдруг в голове замелькали вспышки. Я видел лед, чувствовал холод и синеву, уходящую вниз без дна. Что-то давило на меня сверху, стирало меня, а я даже не мог вспомнить, что терял. Это воспоминания из жизни, что казалась не моей.

— Вот здесь еще один! — услышал я звонкий голос совсем близко.

Меня нашли!

Надо мной склонилось молодое лицо девушки с синими глазами и каштановой косой, из которой лезли пряди, щеко-ча грудь, пока оборотница осматривала бок. Я помнил, как у нее дрожали руки. Наверное, только недавно стала лекарем.

— Ты как? — спросила она, посмотрев на меня. — Из какой части? Дракон задел?

Я молчал, хотя понимал каждое слово. Их язык влили в меня еще в первые месяцы, когда я пришел в себя у ведьм. Но горло у меня не привыкло говорить. Мы делаем это иначе. Общаемся мыслями. Да и с этой оборотницей я не стал бы этого делать даже под страхом смерти. И просто смотрел в ее синие глаза.

— Немой, что ли? — пробормотала она.

Но допытываться не стала.

Прибежали двое крепких мужиков, тоже оборотней. Переложили меня на носилки и понесли. Я не спрашивал куда. Просто наблюдал за всем, как хищник. Где бы ни очнулся, первым делом надо найти выход.

А дальше меня ждала машина и долгий путь. Все это время я рассматривал девушку. У нее на поясе звякали ключи. Именно с них она отцепила один и отдала медведю, чтобы тот завел автомобиль.

Вот он, мой выход. Но чуть позже. Надо набраться сил.

Дорога была ухабистой, а оборотни оказались отсталыми: латали меня руками, иглой да бинтом. Ведьма бы меня подняла одним заклинанием, а эти возились.

— Как тебя зовут? — спросила девушка под конец, поправляя надо мной капельницу.

Я не стал отвечать. Лишнее знакомство ни к чему. Завтра или послезавтра я исчезну, и мы больше не увидимся.

Меня привезли в их лагерь и поместили в белую комнату. От яркого света ныли глаза.

Она приходила менять мне повязки утром и вечером, и каждый раз рана была меньше, чем девушка ждала.

— У оборотней все быстро заживает, но такое вижу впервые, — лепетала она, делая очередную перевязку. — Никак не могу понять, ты медведь или лось?

Чуть наклонившись, девчонка приняухалась. Но я дернулся, и она не стала меня дальше исследовать. Только взгляд стал настороженным.

— Что ты такое? — прошептала она себе под нос.

И в этот момент я ждал, что она закричит и донесет на меня. Но девушка этого делать не стала. Смотрела бинт и спрятавала меня молчанием от своих. Зачем? Я не знал. И размышлять на этот счет пока не хотел.

— И все же, как тебя зовут? Хотя бы это скажешь? — спросила она, подкупая меня своими синими, широко распахнутыми глазами.

— Рагхарр, — вышло из меня рыком.

Девушка вздрогнула, не ожидая от меня вообще ничего. А потом наклонила голову вбок и пробормотала:

— Гарр?

Видимо, это все, что она услышала. В том обручке моего имени было совсем мало меня, но от ее голоса веяло теплом, поэтому я разрешил ей меня так называть.

В ту ночь я впервые почувствовал, как тело начало наливаться силой. Еще день-два и я смогу сбежать.

Сегодня девушка пришла одна. Раньше за дверью всегда кто-то стоял, охраняя меня. Они чувствовали, что я не такой, и просто давали время мне оклематься. Потом бы начали допрашивать. До этого лучше не доводить.

И сейчас мы были только вдвоем. На ее поясе звякнули ключи, когда она наклонилась ко мне, чтобы перебинтовать.

Вот этот момент!

Я схватил девушку за горло и перекинул под себя одним движением. Она дернулась, но я уже поймал оба запястья и

свел у нее над головой одной рукой. Косточки тонкие. Я мог их сломать и не заметить.

Свободной рукой я скользнул к ее поясу, и пальцы ловко стянули связку. После я быстро спрятал ключи под одеялом. Девушка даже ничего не заметила. У нее были мысли явно о другом. Она забилась подо мной и, набрав в легкие воздуха, открыла рот. Сейчас закричит.

Секунда, и я потянулся к ее разуму. Драконы делают это мастерски. Поэтому мне не составляло труда войти и надавить.

«Тихо!» — приказал я ей без слов.

И девушка затихла. Но даже больше того... поплыла. Ее тело обмякло, а потом выгнулось навстречу моему. Бедра качнулись вверх, и с губ сорвалось:

— Прошу!

Она не понимала, что с ней происходит. Глаза не видели и горели огнем.

Я мгновение смотрел на нее, а затем воля отказала, и все полетело в бездну.

Моя ладонь сама скользнула вниз. Внутри горел огонь, что зажегся во мне, когда я впервые ее увидел. Рука прошлась по бедру и забралась под халат. Пальцы нырнули под тонкую ткань. В самое горячее место, что драконы называют кхарн.

Она была влажной и готовой. Текла мне в ладонь. И от этого у меня в глотке заклокотало.

Весь план чуть не рассыпался пеплом. Я забыл, что сво-

ровал ключ и что собирался бежать. Остался только жар под пальцами и желание войти в нее.

И тут мою голову словно прострелило и раскололо надвое. Там, где я вошел в ее разум. Будто в отместку. Перед глазами все вспыхнуло белым. И я увидел лед. Снова синеву без дна.

Врах опал, а хватка стала слабее. Я зарычал в голос, прижав ладонь к виску, потому что мир стал качаться.

А еще я забыл, что она лиса. И пока мне разрывало от боли, девушка ловко вывернулась и ударила коленом туда, куда не стоило бить. Отчего к белым пятнам прибавились еще и красные.

Она скатилась с койки, вскочила на ноги и бросилась к двери. Только там обернулась.

— Кажется, Гарр, ты уже здоров. Я скажу врачу. Завтра тебя выпишут.

Я смотрел на нее и видел, как она часто дышала. Щеки залились румянцем. Девушка не понимала, что случилось с ней, почему выгибалась и просила того, о чем не должна. И не поймет. Даже я сам еще не до конца понимал, как работает наш гипноз и когда он дает осечки.

В ее взгляде был страх, перемешанный с яростью.

Уже в следующую секунду девушка исчезла, а я остался на койке один. Теперь у меня был ключ от машины. Я не умел хорошо водить. Ведьмы учили тех, кто мог обращаться в человека, но я не особо способен. К сожалению, иного выхода нет. Я еще пока не восстановил свой огонь, чтобы обернуть-

ся. А находиться здесь уже было опасно. Сегодня ночью. Я сделаю это.

Нужно еще подумать над тем, что за воспоминания пытались ко мне прорваться. Но об этом поразмышляю, когда выберусь из плена. Сейчас кольцо сжимается, и не стоило тратить силы на вещи, которые могли отвлечь.

И тут меня пробило новой мыслью, неизвестно откуда взявшейся: если бы ко мне вернулись силы полностью, я бы забрал девчонку с собой.

Скарр! Что за чушь лезет в голову?

Наверное, от боли. Надо пару часиков поспать и уже думать, как сбежать.

Глава 2

Френсис

Я была после долгой смены в медчасти, но сейчас даже не замечала усталости.

Командир вернулся.

Эти два слова, брошенные кем-то из связистов, заставили меня бросить недописанный отчет и, не снимая медицинско-го халата, побежать к штабу. Я не видела Лиам почти неделю. Неделю бессонных ночей, когда каждый звук сирены заставлял вздрагивать, боясь услышать плохие новости. Война с ведьмами не щадила никого — и даже сильный оборотень может погибнуть.

Вообще, я не должна была здесь оказаться. Меня звали на работу в уютную столичную клинику. Но Лиам... Мой Лиам окончил военную академию Фенридж, и несмотря на то, что он наследник клана Хегген, его отправили на границу, а я поехала за ним. Мы встречались уже несколько лет, и я верила, что это навсегда. И хоть мне было до одури страшно, тяжело от постоянных смертей и жести полевого госпиталя, но ради него я терпела все.

Быстро добежав до штабной палатки возле личного модуля Лиам, я откинула брезентовый полог, уже готовая броситься ему на шею и расцеловать.

Но вместо слов радости от встречи из горла вырвался

невразумительный хрип.

На столе, прямо поверх стратегических карт, сидела Мэй — моя подруга, медсестра, с которой мы еще вчера пили кофе из одного термоса. Ее рубашка была расстегнута, а между ее разведенных ног стоял мой жених. Лиам жадно целовал ее, сминая грудь руками.

Я видела, как ладонь Мэй зарылась в его светлые волосы, как его бедра ритмично подаются вперед, но не могла осознать происходящее.

— Что... — сдавленно выдавила я.

Лиам замер, нехотя оторвался от губ Мэй и повернул голову ко мне. В его глазах было легкое раздражение оттого, что их прервали.

— Выйди, Фрэнсис, — абсолютно спокойно сказал он. — Не мешай.

После его слов я закричала, из меня вырвался отчаянный вой раненой лисы, которой разбили сердце. Я попятилась, споткнулась и вывалилась наружу, потому что ноги отказались меня держать. Сев прямо на утопанную землю у входа, я обхватила плечи руками и мелко затрясла головой. Я не была готова к измене. Лиам еще недавно клялся мне в любви, а сейчас...

Полог палатки снова откинулся. Мэй выскользнула наружу, пряча глаза, поспешно застегивая пуговицы на халате, и растворилась в сумерках. Следом вышел Лиам. Он не выглядел ни виноватым, ни расстроенным. Поправив ремень,

волк подошел ко мне и, грубо схватив за предплечье, рывком поднял на ноги.

— Не устраивай сцену, — процедил он, затаскивая меня обратно в палатку, подальше от лишних глаз.

— Сцену?! — выкрикнула я. — Ты трахал ее на столе! Мою подругу!

— И что? — Лиам раздраженно вздохнул, глядя на меня сверху вниз, как на неразумного щенка. — Фрэнни, давай без слез. Ты не единственная, и это вообще ничего не значит. Мэй просто снимает стресс. Я самец, альфа. У меня есть потребности, и я имею на это право! Она не первая и не последняя, тебе придется смириться. Твои скандалы мне нахрен не сдались.

Его спокойствие и непоколебимая уверенность в собственной правоте меня добили. Отчаяние сменилось слепящей яростью. Не отдавая себе отчета, я замахнулась и с силой дала ему пощечину, а затем мои ногти, в момент удлинившиеся от проснувшейся звериной сущности, оставили на его скуле три глубокие кровоточащие борозды.

— Да пошел ты! — закричала я, хватая со стола первое, что попало под руку и швыряя в него.

Лиам легко увернулся, но планшет с грохотом отскочил от стойки палатки. Его глаза потемнели, наливаясь бешенством. Он перехватил мою руку, сдавив запястье так, что я охнула от боли.

— Дрянь, — выплюнул Лиам, стирая кровь со щеки. —

Ты забываешься! Думаешь, ты здесь кому-то нужна? Тебя раньше никто не трогал только потому, что все знали, чья ты. А теперь — посмотрим, как долго ты продержишься в этом лагере без моей защиты. Когда парни поймут, что ты одна, сама приползешь обратно! Пошла вон отсюда!

Он отшвырнул меня к выходу, и я выбежала из палатки и бросилась прочь.

Я неслась к медчасти, ничего не видя из-за застилающих глаза слез. Лиам раздавил мое сердце и от души потоптался на нем.

Вечерний лагерь жил своей жизнью: кто-то чистил оружие, кто-то смеялся, но мне казалось, что все смотрят только на меня. Влетев в полевой госпиталь, я наткнулась на медбрата Тома. Он бросил быстрый взгляд и тут же опустил глаза, торопливо отходя в сторону. Медсестра Сара сделала то же самое.

В этот момент до меня дошло, что все знали. Любовниц у Лиамы, видимо, было много, и только я одна, как слепая дура, верила в его верность и готовилась к свадьбе.

Тяжелая рука легла мне на плечо.

— Фрэнсис. Пойдем-ка со мной, — раздался бас доктора Ричардса, нашего главврача. Старый, седой медведь-оборотень, который уже не первый год на фронте.

Он молча завел меня в модуль, служащий ему кабинетом, и усадил на кушетку. Ричардс достал потертую плоскую фляжку и вложил в мои трясущиеся руки.

— Сделай два глотка. Не больше, — велел он.

Крепкий алкоголь обжег горло, я закашлялась.

И вот тут меня прорвало. Я зарыдала в голос, размазывая по лицу слезы, всхлипывая и задыхаясь. Не знаю, сколько времени это длилось, но я чувствовала, что любовь умерла, а Лиам я теперь ненавижу. Он уничтожил все, что было между нами одним махом. Истерика пошла на спад, и остались только судорожные вздохи.

— А теперь иди к себе и ложись спать. Утром мир не станет лучше, но ты хотя бы сможешь на него смотреть без слез.

— Он... он сказал, что я теперь никто... — всхлипнула я, сжимая фляжку.

— Лиам — избалованный щенок с раздутым эго, — спокойно ответил Ричардс, глядя в стену над моей головой. — Ты отличный врач, Фрэнсис. Твои руки спасли здесь больше жизней, чем его когти. Запомни одно: ни один мужик, будь он хоть трижды альфой, не стоит твоих слез. А если кто-то из солдат решит, что отсутствие ошейника с именем Лиама делает тебя легкой добычей, они будут иметь дело со мной... А теперь иди спать.

Медведь сначала забрал фляжку, но бросив еще один печальный взгляд на меня, вернул ее.

Я послушно кивнула, пробормотала слова благодарности и на негнущихся ногах побрела в свой модуль, стоящий рядом с госпиталем. По пути хорошенько добавив алкоголя в организм.

Не раздеваясь, я рухнула на узкую койку прямо в халате, свернулась клубком и провалилась в тяжелый сон, полный кошмаров, в которых Лиам смеялся надо мной, а вокруг стояли безликие люди и отводили взгляды.

Проснувшись от головной боли, я села на постели, потирая виски, и попыталась собрать мысли в кучу. Нужно найти бутылку воды и принять таблетку.

Я потянулась в карман за связкой ключей. Мои пальцы нащупали лишь пустоту. Я проверила другой карман, потом всю кровать. Ничего.

Сон сняло как рукой. На связке были не только ключи от машины, на которой мы выезжали, но и ключ от сейфа с лекарствами. А там хранились сильные обезболивающие и препараты, которые подлежали строжайшему учету из-за своих специфических свойств. Если они пропадут, под трибунал пойду не только я, но и доктор Ричардс.

— Вот же... лисий хвост, — прошептала я, вскакивая с кровати.

За несколько минут я перерыла свою комнату, проверила каждый сантиметр пола под койкой, перетряхнула куртку. Ничего. Где я могла их выронить? В кабинете Ричардса? В штабе у Лиамы? От мысли, что придется возвращаться туда, меня передернуло. Нет, к бывшему жениху я пойду в самую последнюю очередь.

Руки тряслись, я попыталась восстановить маршрут своего дня и вечера до того, как услышала о возвращении Лиамы.

Я писала отчет. До этого делала перевязки. И явно использовала ключи, потому что доставала лекарства для тяжело-больных.

Точно!

Я побежала к сейфу, там ключей не нашлось, поэтому, взяв фонарик, я пошла по палатам. Количество палат уменьшалось, мое беспокойство нарастало. Это уже хуже, чем измена жениха.

В итоге осталась последняя палата, где лежал Гарр. К нему я заходила, как раз до штаба. Надеюсь, ключи здесь. К Лиаму я точно не пойду ночью.

Тихо попросив Луну помочь мне и отодвинув полог, я зашла к новенькому. Вокруг стояла тишина, прерываемая лишь ровным писком приборов. Гарр спал, его нашли всего несколько дней назад, я даже думала, что он не выживет. Но этот здоровяк обладал какой-то феноменальной регенерацией.

Лунный свет падал прямо на его постель. Мужчина лежал на спине. Белая больничная простыня сбилась, прикрывая лишь бедра и ноги. Его широкая грудь мерно вздымалась. Кожа даже ночью, казалась смуглой, с легким золотистым отливом. Его темные волосы были чуть длиннее, чем предпочитали наши военные. Шрамы от недавних ран уже затянулись, оставив лишь светлые полосы на идеальном рельефе кубиков пресса.

На секунду я замерла, поймав себя на том, что откровен-

но плююсь. Тряхнув головой, отгоняя глупые мысли, я включила фонарик на минимальную мощность, направив луч на пол. Если связка выпала, то она должна быть где-то здесь, возле тумбочки или под кроватью, когда я проверяла капельницу.

Я подошла вплотную к койке. Тихо, стараясь даже не дышать, чтобы не разбудить пациента, я наклонилась над ним, вытягивая шею и шаря лучом света под металлической рамой кровати.

Пусто.

Пришлось податься еще немного вперед, почти нависая над его грудью, чтобы заглянуть за тумбочку.

И вдруг его глаза открылись, но были не голубыми, как днем. А янтарные с вертикальным зрачком. Прежде чем я успела отшатнуться, его ладонь сомкнулась на моем запястье.

— Ай! — пискнула я, потеряв равновесие.

Гарр дернул мою руку на себя, и я рухнула прямо на него, выронив фонарик, который с глухим стуком покатился по полу, отбрасывая сумасшедшие тени.

Я оказалась распластанной на его твердой груди, мое лицо уткнулось в изгиб шеи, а колено неловко вклинилось между бедер.

— Какого?!! — выдохнула я, заливаясь краской, и тут же начала елозить, упираясь свободными руками в его плечи, отчаянно пытаюсь слезть. — Отпусти! Я доктор!

Но его вторая ладонь уже легла мне на талию, крепко прижимая меня на месте.

Гарр слегка приподнял голову от подушки. Янтарное свечение в его глазах медленно угасло, сменяясь голубым цветом, но вертикальный зрачок еще секунду оставался хищно суженным, прежде чем принять нормальную форму.

Он внимательно посмотрел на мое покрасневшее лицо, а затем перевел взгляд на мою руку, упирающуюся ему в ключицу. Его губы тронула полуулыбка. Голос, когда он заговорил, оказался низким, с легкой хрипотцой, от которой по моей спине, несмотря на всю абсурдность и неловкость ситуации, пробежали мурашки.

— И часто ты нападаешь на спящих пациентов, доктор?
— тихо спросил он, даже не думая разжимать руки. В потемневших глазах читалась смесь веселья и опасного интереса.

Моя внутренняя лиса, обычно осторожная и хитрая, вдруг замерла, замороженно глядя на этого хищника. И меня это напугало.

— Ключи, — прохрипела я. — Искала.

— Забудь, — сказал он, но губы его не шевельнулись.

И я забыла, о чем думала секунду назад, а потом я потеряла контроль над своим телом. Словно кто-то привязал к моим рукам и шее тонкие нити, я превратилась в марионетку, подчиняющуюся зову.

Мой взгляд опустился на его губы. Дыхание перехватило. Я начала опускаться ниже к его лицу. Поцелуй получился

робким и неуверенным. Гарр глухо зарычал, его рука скользнула с моей талии на затылок, пальцы зарылись в волосы, властно удерживая меня, не давая отстраниться, даже если бы я захотела. А я не хотела.

Его губы сминали мои, язык властно толкнулся внутрь, пробуя на вкус и подчиняя себе. Меня накрыло волной такого одуряющего удовольствия, что я тихонько застонала, не отрываясь от него.

Моя рука, до этого упиравшаяся ему в плечо, сама собой поползла вверх, скользнула по горячей коже шеи и зарылась в его темные, чуть жесткие волосы. Я отвечала ему с такой же отчаянной жадностью, забыв обо всем на свете.

Глава 3

Гарр

Я чувствовал ее жар, и у меня перед глазами полыхнуло. Маска вмиг слетела. Зрачок вытянулся в щель, а голубое стекло треснуло, превратившись в янтарь. Так всегда всплывал зверь. И я понял, что она это увидела по тому, как вся застыла до кончиков пальцев. Ведь это улика.

Я попытался подавить дракона и собрать себя в точку, но это больно. Все стоило сил, которых у меня не было.

Надо чем-то замазать это. У оборотней, как и ведьм, свой язык и от него у меня сводит глотку, но я все же разлепил губы и прохрипел:

— И часто ты нападаешь на спящих пациентов, доктор?

Горло драло, потому что оно не для этого. И под словами я прятал другое. Это совсем не я, поскольку я не флиртую и не пытаюсь понравиться. Меня боятся. Я — оружие, и не умею быть милым. Но это сработало: девушка сбилась и покраснела. Взгляд заметался.

Хорошо! Пусть думает про свою неловкость, а не про мои глаза. Пусть смотрит на рот.

— Ключи искала, — пробормотала она.

Объяснять для меня лишнее. Я не стал говорить ртом. Драконы не треплют горлом то, что можно передать мыслью. Не разжимая ее запястий, я толкнул ей в голову приказ: «За-

будь!»

Наша власть идет через кожу, и девушка вздрогнула, а потом обмякла. Ее зрачки поплыли.

А мне в висок вонзилась игла.

Так всегда происходит. Стоит ворваться в чей-то разум, и меня будто раскалывают изнутри. Перед глазами мелькнула белая вспышка, а за ней лед. Воспоминания приходили и уходили, а я не понимал, за что мне это. Знал только одно: сгибать чью-то волю — больно.

Стиснув зубы, я переждал и вскоре отпустило. И тогда я почувствовал остальное.

Девушка не вырывалась. Через ту же связь, что я использовал для приказа, в меня вошли ее эмоции. Что-то злое и горькое, похожее на гарь. Ей было все равно. Она меня не хотела, просто ей нечего было терять. У нее сегодня что-то отняли, и теперь оборотница падала с открытыми глазами, думая, будь что будет.

Плевать, что ее разрушило. Она теплая, и мне достаточно, потому что от этого тепла мой почти погасший огонь дернулся и начал подниматься.

Вот оно!

Огонь — это жизнь для драконов. Пока он во мне горит, я силен. Если иссякнет, то и меня не станет. Я лежал в этом месте пустой уже который день, добирая по капле, и все равно не набрал бы на оборот и за неделю. Форму держать нечем, а уходить надо этой ночью.

Ей было все равно, а мне нужен ее жар.

Захр!

Девушка опустилась ниже, и ее взгляд скользнул на мой рот. Дыхание рвалось. Губы робко коснулись моих, как будто впервые. Это была ее нежность. Но у меня такого нет.

Я не умею целовать, не знаю, что это. Для меня рот — это еще один способ взять свое.

Зарывав, я поймал ее затылок и зарылся пальцами в волосы. Взял то тепло, что струилось из нее. Ворвался языком. Ел ее вдохи. Я пустой, и мой огонь тянулся к любому теплу, а если оно само лезло на губы, я не возражал. Перехватил ее дыхание и не отдал.

Она застонала и закрыла себе обратную дорогу.

Перевернув девушку на кровати, я задрал халат. Койка узкая, но мне плевать. Сейчас мне нужна была ее спина, чтобы не видела ни глаз, что снова вспыхнули янтарем, ни рта, что молчит, пока в ее голове звучит голос. Так я буду брать лисицу. Сзади. Как зверь.

Моя ладонь прошла по ее лопаткам, добралась до поясницы и скользнула ниже. Кожа у девушки была гладкая и горячая.

Собрав ее запястья, я придавил их к ее спине. Лицо оборотницы уткнулось в подушку. Так будет тише и послушнее. И руки не мешают.

— Что ты делаешь? — глухо спросила она.

Я не стал отвечать ртом. Толкнул в ее голову слова, не

разжимая губ:

— Ты сама пришла.

Девушка вздрогнула от голоса у самого уха. Не поняла. Спишет потом на бред.

— Но я не...

— Тихо! — приказал я. — Говорить я не разрешал.

И она замолчала. Я чувствовал, что она падала, и ей было все равно. Осталось одно тело, дрожащее подо мной.

Я развел ее колени своими и рванул трусы. Потом останутся розовые полосы на коже, но сейчас мне не до нежности.

Тронув между бедер, я ощутил влажность. Точнее, не так, там было мокро. Что бы ни говорил ее рот, тело ждало другого.

Скарр!

Приставив врах, я надавил. Внутри всплывал древний язык. Он сам лезет в горячке, я его не звал.

Я вошел, но не весь. Она мелкая, узкая, а я нет. Слишком большой для этого тонкого тела. Едва ли она могла меня полностью вобрать. Ей и так тесно до предела. Разорву — погашу источник. Поэтому я остановился на половине и замер.

Беречь, Рагхарр! Нельзя ломать то, что греет!

Я соврал. Не только в этом было дело, но и признаваться не хотелось, даже себе.

А затем я двинулся наполовину, но для нее и это глубоко. Девушка охнула и выгнулась, насколько пускал мой кулак на

ее руках.

Я подавался снова и снова. Делал это грубо, потому что иначе не умею. Ни ласки, ни успокаивающих речей. Только брать. Вбивать ее в подушку и в себя.

Так с ней не обращались, и я это учуял по тому, как девушку встряхивало. Как рвался стон и как она подавалась навстречу, вместо того, чтобы уйти. Грубость ее заводила.

Оборотница была мягкая, податливая. Брала то, что я ей давал и стонала, так, что хотелось еще.

Ведьмы другие. Я помнил их холодные руки. Они лезли сами, не спрашивая, а иногда даже забирались в голову и держали возбуждение силой.

Эта же, вся наоборот. Лисица была теплая и отдающая. Не крада у меня ничего. И это... Подходящего слова я не находил. Хорошо. Так невероятно, что я забыл даже про огонь.

Кажется, меня это зацепило.

Внутри девушки было тесно, скользко и горячо. Ее кхарн жадно сжимал врах при каждом движении. Я чувствовал ее всем телом: мелкую дрожь, как тянется навстречу.

Мне нравилось. А вот это нехорошо. Впервые в этом сером мире мне что-то нравилось.

Я ощущал ее через ментальную связь. Выбивал из нее горечь и злость, что текли по ее венам. И чувствовал, как это уходит и из головы вымывается весь этот день. Вместо плохих мыслей оставалась горячая пустота... и я. То, что я делал с ней.

Оборотница задрожала сильнее, и из нее вылетел рваный стон. Она подходила к краю. Ее стискивало вокруг меня все чаще и туже.

И я перестал беречь девушку.

Загнал врах до конца. До предела. Куда до этого себя не пускал.

Она вскрикнула в подушку, и ее накрыло жаркой волной. Все вокруг меня разом сжалось и запульсировало.

Меня снесло мгновенно. Контроль лопнул. Я уже не мог остановиться. А в голову вместе с огненной лавиной вошла и холодная. Снова воспоминания, но теперь глубже. Я чувствовал, как скалывают лед вокруг меня.

— Скарр! — прорычал я, оживая и умирая в этих двух противоположных ощущениях.

Меня подхватил вушш и разнес искры по телу. Я вжал девушку и наполнился всем, что было. Выплеснул весь огонь до капли. Он выстрелил глубоко.

Она мелко дрожала подо мной, стиснув меня внутри.

А потом наступила тишина. Только приборы тихо пищали, да слышно было два наших дыхания.

Во мне горел огонь. Я столько не набирал с тех пор, как меня сбили.

Скатившись с оборотницы, я лег рядом. Она лежала лицом в подушку и не двигалась, лишь дышала. Ее спина ходила вверх-вниз, и от девушки до сих пор шло тепло, которое хотел мой зверь. Снова к нему тянулся. Жаждал еще. Дай

ему волю, он бы вжался в этот жар и не вставал.

Нельзя. Сейчас надо уходить.

Я положил ладонь ей на затылок и через связь приказал:
— Спи!

Снова прострелило висок болью. Часть того огня, что дала мне лисица, ушла на это. Мне не хватало на полный оборот.
Захр!

Девушка обмякла и теперь дышала спокойно и глубоко.

Поднявшись, я нашел под подушкой ключи и, натянув одежду, собрался уже идти.

Но на секунду задержался над ней.

Оборотница спала. Ее коса растрепалась, а губы чуть открылись. Забранный халат оголял ягодицы. И я снова напрягся, потому что от этого вида натянулись цепи у моего зверя.

Осторожно накрыв ее одеялом, я на мгновение замер, а потом потянул руку к ее лицу. Мне вдруг захотелось взять ее с собой. Это тепло манило. Не желал оставлять его тут.

Это все из-за огня, Рагхарр! Очнись!

Я опустил ладонь и ушел.

Коридор в это время был пустой. Медведь, что стерег днем, спал где-то за перегородкой. Я слышал его храп.

Во дворе я вдохнул сырой осенний воздух этого серого мира, в котором я сейчас мерз.

Где-то сбоку я увидел их некрасивую машину непонятно-го грязного цвета с красным крестом.

Когда я в нее сел, то сразу же вставил ключ. Он подошел. Дальше чуть сложнее, потому что надо будет проехать через охрану.

У края лагеря на меня сразу же обернулся часовой, услышав звук мотора. Это был молодой волк с винтовкой. Он посмотрел на машину, которая ехала открыто и не кралась. Лежачего беглеца никто здесь не ждал.

Подняв руку, он махнул, пропуская меня.

Куда денутся медики среди ночи?

Я спокойно проехал.

А дальше были дорога, лес и темнота. Я гнал, пока лагерь не оказался далеко позади. Где-то через час свернул на опушку и заглушил мотор. Бросив ключи на сиденье, я вышел из автомобиля и стал ждать.

Вскоре небо на востоке посерело. И когда над кромкой леса поднялся первый луч, я поймал его всем своим телом. Во мне тут же отозвался огонь и помчался навстречу теплу. То, чего не хватало, вернулось за несколько секунд.

Я начал обращаться. Кости разъехались и лопатки ушли в крылья. На коже появилась чешуя. Мой размер увеличился. Серый мир стал мелким.

Секунда, и я взмыл в разгорающийся рассвет, полный огня. Теперь я снова обрел свободу. Лишь там чувствовал себя по-настоящему хорошо... Правда, вдруг понял, что не только там, но и с ней тоже. И она засела занозой под моей чешуей. Я не мог пока ее выдавить из себя. Тепло, что я бросил,

не отпускало. Но кажется, я ему сам не давал уйти.

А сейчас я летел домой. И все, что произошло, летело вместе со мной.

Глава 4

Френсис

Застонав, я попыталась отвернуться и натянуть одеяло, но тело отозвалось такой болью, что из горла вырвался жалкий хрип. Голова раскалывалась. В висках стучали невидимые молоточки, отбивая военный марш, а во рту было так сухо, словно ночью я жевала песок или наполнитель для кошачьего лотка. Солнце безжалостно светило в глаз, потому что я не смогла вытянуть одеяло из-под себя.

По ощущениям меня переехал тяжелый армейский грузовик или танк. Потом водитель понял, что работа не закончена, сдал назад и переехал еще раз — для верности. Болело абсолютно все. Ныли мышцы, ломило поясницу, саднило горло от вчерашних криков, а лицо... Я даже без зеркала понимала, что оно опухло от слез, а глаза превратились в две узкие щелочки.

Я попыталась сесть.

Между ног тоже тянуло и болело. Я опустила взгляд и увидела на внутренней стороне бедер темные мазки крови.

— Лисий хвост, — хрипло прошептала я.

Только этого не хватало. Долбанный стресс. Мой организм, очевидно, решил, что предательства жениха и истерики ему недостаточно, и в качестве вишенки на торте сбил мне цикл. Критические дни начались на неделю раньше положенного

срока.

Тихо ругаясь сквозь зубы, я спустила ноги с койки. Нужно было срочно привести себя в порядок. Найти чистую одежду, тампоны и доползти до душевых.

Я сняла помятый и уже совсем не белый халат, вчера я уснула прямо в нем. Потом настало время одежды, и тут я поняла странную вещь.

Где я потеряла трусы?

Опустившись на колени, несмотря на раскалывающуюся голову, я заглянула под койку, перетряхнула одеяло, обшарила крошечное пространство своей каморки. Ничего.

— Так, Фрэнсис, успокойся, — приказала я сама себе, прижимая ладони к пылающим щекам. — Ты вчера хорошенько так приложились к фляжке главврача. Случилась истерика. Наверное, пошла в туалет ночью, сняла их и... забыла? Выкинула? Потеряла?

Любой вариант звучал как бред, но другого объяснения у меня не было. В лагере не водилось извращенцев, ворующих женское белье, а сама я половину ночи помнила какими-то урывками. Но вроде в оргии участие не принимала. Хотя снился мне один сон... Но нет, там точно нет.

Схватив чистое белье, я пошла в душ. Для успокоения заглянула и в туалет, но пропажа там не обнаружилась. Открыла все верхние окошки, чтобы быстрее взбодриться. Утренний воздух был прохладным и пахло костром, значит, где-то на линии соприкосновения ночью снова шли бои, может,

дракон пролетал. Этот запах отрезвил меня. Война не будет ждать, пока я очухаюсь от своих сердечных травм. Людям, которых привезут с поля боя, плевать, что мой жених оказался кобелем. Им нужны мои руки и знания.

Не дожидаясь, пока нагреется вода, я приняла ледяной душ. Я стояла под струями, упершись лбом в холодный металл стенки, так меньше болело, и прислушивалась к себе.

Доктор Ричардс оказался прав. Мне стало легче. Я ожидала, что сегодня умру от тоски. Что буду выть на луну, вспоминая, как Лиам прижимал к столу Мэй. Но... этого не было. Мои сердечные травмы, которые еще вчера казались бездонным океаном, сегодня превратились в мелкую лужу.

Нет, злость никуда не делась, даже наоборот, я была в бешенстве! Мне было обидно за потраченные годы, за то, что я бросила столицу и поперлась на фронт ради него. Но сам Лиам... Он словно выцвел в моей голове. Стал серым и блеклым мудаком, и больше не вызывал трепета. Он перестал казаться мне самым лучшим, умным и красивым. Идеальный образ вожака с золотистыми волосами рассыпался, явив изнанку — самовлюбленного, избалованного альфу, который не стоит и ногтя на моем мизинце. Пусть сдохнет в канаве, тварь!

Моя внутренняя лисица, обычно покладистая, сейчас презрительно фыркала при одной мысли о нем. Она точно его больше не считала достойным спутником жизни.

Вытираясь полотенцем, я поймала свое отражение в мут-

ном зеркале. Отек, конечно, никуда не делся, но во взгляде синих глаз больше не было затравленности. Там зарождалась новая я. Колючая и очень кусающаяся.

Я надела чистую форму и белый халат, туго стянула волосы на затылке и решительным шагом направилась в госпиталь. Мне нужно было что-нибудь от жесточайшего похмелья.

Едва я переступила порог медчасти, как окунулась в су-ету и тревожный хаос. Санитары бегали по коридору, медсестры шептались, сбившись в стайку, а из кабинета доктора Ричардса доносился его раскатистый медвежий рык:

— Как это — ушел?! Такие не ходят на своих двоих! Он должен был лежать пластом еще неделю!

Я перехватила за локоть пробегающего мимо Тома.

— Что стряслось?

Том округлил глаза, даже забыв отвести взгляд, как он делал это вчера вечером.

— Фрэнсис, ты не слышала? Немой здоровяк из последней палаты пропал!

Сердце пропустило удар. Гарр?

— Как пропал? — нахмурилась я. — Это невозможно, он же был на аппарате.

— Вот именно! — всплеснул руками Том. — Сара пришла утром ставить капельницу, а койка пустая. Датчики отключены, крови нет. А главное — он угнал машину! Сейчас ищут его по всему периметру.

Я отпустила руку Тома.

В ужасе вспоминая про ключи. Я ведь их так и не нашла. Ходила вчера, искала и у него в палате тоже. Но не нашла! Или мне все приснилось? Я вообще вставала ночью?

Я попыталась припомнить, но воспоминания смазывались и подкидывала картинки, которых точно не могло быть в реальности. Я не могла заниматься любовью на больничной койке с еле живым пациентом. Однако еле живой пациент и машину угнать бы не смог... Нет-нет-нет, это точно был сон! Просто мое подсознание решило отомстить Лиаму. Он изменил мне, вот и я в своем сне изменила ему. Око за око, зуб за зуб, вернее, рог за рог!

А почему Гарр? Да потому что он лежал там, полуголый! Я же сама ему раны бинтовала, видела эти его кубики пресса и прочее. Вот алкоголь и подкинул мне картинку посимпатичнее. Он явно альфа покруче Лиамы. А ключи... Ключи, наверное, просто выпали, а он их нашел. Да и вообще, скорее всего, его увезли, уйти сам он не мог. Это куда реалистичнее.

Успокоившись, я выдохнула, поправила халат и пошла на пост. Все-таки мне нужно обезболивающее.

Коллеги обходили меня по широкой дуге. Видимо, ожидали, что я вот-вот разрыдаюсь или брошусь на кого-нибудь со скальпелем. Выпив таблетку, я молча занялась своими обязанностями: проверила карты пациентов, назначила лекарства и пошла делать перевязки. Работа затягивала, не оставляя времени на рефлекссию.

Ближе к обеду, когда я вышла из процедурного кабинета и уже собиралась идти в столовую, путь мне преградила Мэй.

Она выглядела помятой. Под глазами у лосихи залегли тени, а форменный халат был застегнут на все пуговицы, прямо под горло. Она мялась с ноги на ногу, теребя рукав, и боялась поднять глаза.

— Фрэнни... — начала она жалким, писклявым голосом. — Послушай... я...

Вчера я бы расплакалась и спросила: «За что, Мэй? Мы же подруги». Но сегодня, глядя на ее бегающие глазки, я не чувствовала ничего, кроме безразличия.

— Отойди с дороги, — ровно произнесла я.

— Фрэнни, пожалуйста. Ты должна понять. Лиам... он такой напористый... альфа. Ему невозможно отказать. И ты же знаешь, как нам всем страшно здесь, на границе... Это была просто минутная слабость. Я не хотела делать тебе больно.

Ее попытка оправдать свою подлость вызвала у меня лишь презрительную усмешку. Внутри моя лиса оскалила зубы, и я шагнула к ней вплотную. Мэй инстинктивно вжала голову в плечи.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Мэй? — спросила я спокойно, но она аж сглотнула. — Ты пытаешься прикрыть свою блядскую натуру инстинктами. Если бы он прижал тебя к стенке, ты бы кричала и звала на помощь. Но ты сидела на столе, раздвинув ноги, и радовалась, что он обратил на тебя внимание!

— Фрэнсис! — Лосиха ахнула, прикрыв рот ладонью. Очевидно, от прошлой Френни, всегда вежливой и мягкой, услышать такое было немыслимо.

— Так что не строй из себя жертву непреодолимых обстоятельств! — брезгливо скривила губы я. — Ты обычная подстилка. И знаешь что? Забирай его. Вы стоите друг друга. Два куса дерьма. А теперь свали с моего пути, пока я не вспомнила, что у меня есть доступ к лекарствам и я могу отомстить.

Больше ничего не говоря, я обогнула ее и пошла дальше по коридору. И как же хорошо мне сейчас было! Впервые я сказала то, что думаю, не оглядываясь на правила приличия, которые мне вбивали в голову с детства.

Во время обеденного перерыва, сидя в пустой столовой над тарелкой безвкусного супа, я достала телефон. Связь здесь ловила отвратительно, но мне нужно было позвонить.

Гудки шли долго. Наконец, на том конце раздался мелодичный голос моей матери.

— Фрэнсис? Милая, почему ты звонишь так рано? У вас там все тихо?

— Привет, мам. Да, у нас все в порядке, — поморщившись, я отодвинула от себя тарелку. — Я звоню сказать, что помолвка расторгнута. Сообщи папе, ему нужно решить вопрос с кланом Хегген.

На том конце повисла пауза.

— Что значит — расторгнута? — Голос матери мгновенно

потерял мягкость, став напряженным. — Вы поссорились? Фрэнни, детка, это же глупости. У всех пар бывают кризисы, особенно в таких стрессовых условиях...

— Это не кризис, мам. Лиам мне изменяет. Я застала его вчера.

Ожидала ли я поддержки? Наверное, где-то в глубине души я надеялась, но увы.

Мать заохала, запричитала, но смысл ее слов сводился к одному.

— Девочка моя... ну ты же взрослая, умная лисичка. И должна понимать, — заворковала она поучительным тоном. — Он будущий глава клана. Альфа. У него горячая кровь, а на войне мужики дичают. Это физиология! Все мужчины гуляют, такова их природа. Тебе просто нужно быть мудрее. Закрывать глаза. Вернетесь в столицу, сыграете свадьбу, и он остепенится. Не руби сгоряча, Фрэнсис.

Я слушала ее и не верила своим ушам. Закрывать глаза? Быть мудрее? Терпеть измены, потому что он, видите ли, альфа?

Слова матери разозлили меня еще больше, чем попытка Мэй оправдаться.

— Нет, мама, — отрезала я. — Я не буду мудрее и не буду закрывать глаза на измены. Я врач и спасаю жизни. И я достойна большего, чем быть красивым приложением к кобелю, не умеющему держать член в штанах.

— Фрэнсис! Как ты разговариваешь с матерью?! — воз-

мутилась она.

— Я доработаю свой контракт, — жестко продолжила я, игнорируя ее тон. — Но как только он закончится — я вернусь в столицу. Помолвка с Лиамом расторгнута. До свидания, мам.

Нажав кнопку отбоя, я бросила телефон на стол. И вдохнула полной грудью.

Внутри меня ревел пожар. Если бы прямо сейчас зашел Лиам, Мэй или любой другой человек, решивший указать мне мое место, я бы не раздумывая впились ему в глотку.

Я поднялась из-за стола, одернула халат и пошла спасать жизни. Никто больше не смеет тушить мой огонь! А если попробуют, то я их сожгу.

Глава 5

Гарр

Свернувшись вокруг догорающего огня, я лежал на камне и почти отдыхал. Впервые за эти дни. Я находился в своей пещере на горе. Она огромная и глухая.

Снаружи шел дождь, мерно стуча по камню, и я слушал его сквозь дрему, зная, что вода от меня далеко и ей не дотянуться. Огонь после фронта не весь восстановился, но все же во мне горел. Раны затянулись, оставив на коже шрамы. Еще бы день такого покоя, и я снова стал бы целым.

Но мне не дали.

В груди вспыхнул жар. Там, где у меня была выжжена руна. И я мгновенно проснулся. Это еще не боль, всего лишь зов, бегущий ноющим спазмом по костям. Я прекрасно знал это чувство.

Вейра меня звала.

Полежав немного, назло ведьме, я постарался убрать огонь глубже, будто это могло что-то изменить. Но руна нагрелась сильнее, и уже совсем скоро жар пополз наружу тонкими нитями, подбираясь к горлу. Если не явишься, то сожмет на расстоянии, и я погасну.

Однажды я это проверил, но во второй раз не хотелось злить ведьму.

Поднявшись, я оставил свое место, пятясь и стирая след,

чтобы ни один нюх не догадался, что это моя обитель. Хотя сюда вряд ли кто-то придет. Смертному не влезть, ведьме — не додуматься, что у скотины может быть свой угол. В этом и был весь смысл. Пока они не знали про гору, она оставалась моей. Единственный кусок мира, который им не принадлежал.

Сделав шаг, я оказался под холодным дождем. Еще один, и полетел с обрыва в темноту.

Обернулся уже в воздухе и, поймав восходящий поток, я скользнул вниз. Там, в скалах, находились их владения и чернел вход. Они называли это домом, но для меня там проклятое место.

Свою обитель ведьмы выгрызли в горе с помощью магии. Это был огромный темный кряж, в котором они прорубили себе залы со всевозможными ходами и колодцами, уходящими вниз. Туда не доставал ни свет, ни дождь. Снаружи — глухая скала, обвитая рунами. Здесь ходили часовые и днем, и ночью. А внутри царствовал лабораторный холод, пахнущий сладковатой гнилью их магии, а еще химией и растворами. Они неустанно варили что-то живое.

Сложив крылья в приемном колодце, я сел на мокрый камень, и сразу в голову ворвался шум мыслей. Стены здесь были полны драконьих голосов, и они лезли прямо в мозг, потому что мы так всегда общались. Проблема в том, что часть из этого гвалта не слова, а рык и скулеж. Бессмыслица и боль, свернутая в один долгий стон, что никогда не смол-

кал.

Я не желал их слышать, но мысли, как уши, не заткнуть, поэтому приходилось жить так.

Драконов с пустыми черными глазами держали в стойлах, вырубленных в скале, за рунными решетками. Те жгли их плоть при касании.

Кого-то я знал в лицо, таких же, как я. Они умели оборачиваться в человека и свободно перемещались по лабиринтам. Кажется, это наша единственная привилегия. Но еще это же и делало нас дороже, оттого и клеймили нас более сильными заклинаниями.

В длинных каменных корытах перед клетками лежало сырое мясо, местами тронутое. От него исходил сладковатый запах чего-то подгнившего. Кто-то ел, а кто-то нет. Кормили тем, что было, и не заботились, свежо ли. Скотина все сожрет.

Дальше, за стойлами, начинались залы ведьм. Там находились баки и чаны. Все освещал холодный свет. В мутных растворах плавало что-то еще не оформившееся. Лабораторные крысы плодили больше драконов. Сколько? Я не знал. Не осознавал до конца, что здесь происходило. Но мне было понятно только одно: ящеров с пустыми глазами становилось все больше. А тех, кто мог думать и чувствовать, вроде меня — нет.

Я отвернулся и полетел вверх. Меня там уже ждали.

Когда я вошел в просторный зал, от которого мутило

больше всего, меня тут же пригвоздило к земле тяжелым взглядом. На высоком стуле сидела Вейра, закинув ногу на ногу, и раздраженно покачивала в бокале вино. Все в ней было красивым и идеальным: светлые волосы убраны в затейливую прическу, белая кожа чуть блестела, а зеленые глаза поражали своей яркостью. На вид молодая, но это обманчиво. Ведьмы на то и ведьмы, что выглядят в любом возрасте шикарно.

— Вернулся, — протянула она, с собственническим удовольствием в голосе. — Ласх, мой хороший.

Она назвала меня как домашнего питомца. Дала мне кличку, что подходила к цвету ее волос. Но я отзывался, потому что приходилось.

Другое имя ведьма не знала и знать не могла, потому что я бы никогда его ей не сказал.

— Обернись! — велела она, не вставая. — Хочу посмотреть тебе в лицо.

Я подчинился, и мое тело тут же окутало холодом.

Стоя перед ней голым, я мерз, даже несмотря на то, что внутри горел огонь.

Поднявшись наконец, ведьма обошла меня, оглядывая, как жеребца. Провела ногтем по боку, где еще недавно дымилась рунная дыра, а теперь была молодая, почти гладкая кожа.

— Быстро в тебе все заживает, — пробормотала она с ленивым удовольствием. — Быстро горит. — Ноготь скользнул

к руны на груди и, остановившись на ней, погладил. — Ходил среди них человеком. Ел с ними. Спал у них под носом, и никто не догадался. Ты знаешь, чего ты стоишь?

Конечно. Оттого и был жив.

Ее рука двинулась ниже, но я рывком поймал хрупкое запястье и отвел в сторону. На ведьму не смотрел и молчал. Не хотел с ней говорить, даже если бы в глотке была бы тысяча слов.

В зале сгустился воздух и наэлектризовался.

Вейра посмотрела на свою руку, а потом метнула злой взгляд на меня. Правда улыбка при этом не сошла с ее губ.

— А от тебя пахнет, — протянула она, чуть поднявшись на цыпочки и вдохнув воздух возле моей шеи.

Я не двинулся, хотя очень желал этого. Ненавидел ее.

— Сукой пахнет, — отшатнулась Вейра и в зеленых глазах вспыхнула ревность. — Чужой сукой! Ты дал себя трогать какой-то твари там, а мне... руку отводишь?

Схватив меня за горло, она рванула на себя и впилась злым поцелуем мне в рот. Она брала свою добычу, прикусывая меня зубами. Я же стоял, не отвечая и стиснув челюсти. Не мог и не хотел этого делать.

И тогда она сжала кулак.

В этот самый момент меня сковало рунной цепью. Она как змея обернулась по моим рукам и ногам и растянула меня в воздухе.

А после Вейра влетела в меня мыслью. Ее голос прошил

череп.

— Ты мой! — шептала она. — Слышишь? Ты был моим, когда тебя достали изо льда слепым. И ты будешь моим.

Ведьма отошла, но ее воля полезла глубже. Огонь, метнувшийся было к выходу, она развернула и погнала туда, куда хотела. И мой врах налился. Отвердел под ее взглядом. Ее пальцы в моей голове поднимали его и заставляли стоять, не спрашивая меня. Желания тут не было никакого. Тело предало, потому что ведьма приказывала ему, минуя мою волю.

— Вот видишь, — улыбнулась Вейра, обходя меня и разглядывая дело своих рук. — Можешь же, когда хочешь.

Она ждала, что я отдамся сам, что стану послушной вещью, но я стиснул зубы и молчал.

Ведьма мучила меня этим весь день. Отпускала руну и стягивала снова, разгоняя огонь по кругу. Поднимала врах и держала на самом краю, не давая ни разрядки, ни покоя. И все ждала, тянулась к моему лицу, ловя в глазах тот миг, когда голубое зажжется янтарем и вырвется зверь. Ей очень хотелось его увидеть.

Я опустил веки и не давал ей ничего. И к вечеру Вейре это наскучило.

Скотина не желала брать сама, что ж.

Хлопнув в ладоши, она велела привести другого. Его втолкнули в зал. Не знаю, кто это был, человек или слуга, а может, еще одна ее вещь помельче. И она забрала его тут же при мне, показывая, как это делается. Все происходило

небрежно и скучаяще. А закончив, она слезла со своего жеребца и, подойдя ко мне, подняла мой подбородок.

— Вот так берут! — прошипела Вейра. — А ты стоишь недотрогой. — Она махнула рукой, отпуская меня. — Иди, ты мне сегодня уже не нужен. Сломался, сам починишься.

Рунические цепи разжались, и огонь хлынул обратно. А мое освобожденное и опустошенное тело рухнуло на пол. Я чувствовал себя так, будто меня извалили в грязи. Ведьма достала со дна все самое темное и размазала по мне.

Обернувшись в дракона, я вылетел из этого зала и сразу же наружу. К дождю. Чтобы смыть этот поганый запах Вейры.

К себе я поднялся уже в темноте. Ведьма изрядно вымотала меня.

Свернувшись вокруг угольков на своем камне, я долго не мог согреться в собственном огне.

Наверное, я бы мог сразиться с ведьмой, может, с двумя, или с десятком. Точно не знал, но всех мне не победить в одиночку. Драконов-пустышек слишком много, а те, кто имел разум — все размышляли так же, как я. И никто не решался.

Сейчас я должен был сделать все как обычно: перетерпеть, отогреться и вычистить из головы всю боль, лица и дни, оставив только пламя и расчет. Дракон не должен переполняться лишними эмоциями. Это гасит огонь. К тому же холодные вспышки, ведущие меня к ледяным глыбам, мне не нрави-

лись.

Но что-то все же не вычищалось. Во мне сидело непрошенное тепло, что я принес с фронта. Оно имело сладкий запах фруктов. Я не желал думать о ней. Взял, что было нужно, чтобы подняться, и улетел, чтобы забыть.

Однако память возвращала меня к хрупкой лисе с большими синими глазами.

К ночи дождь усилился, и я попытался сбить все мысли, стоя под холодными струями. Я обычно уходил от воды вглубь горы, но сейчас хотелось охладить разум.

Остановившись у самого края, я закрыл глаза. Огонь во мне чуть угас и стал едва ощутимым. И тут по телу разлетелось другое тепло. Оно пришло тонкой струйкой. И мне показалось, будто рядом со мной стояла лисица. Я даже обернулся, чтобы посмотреть.

Но там никого. Лишь камень, да серая ночь.

Какой-то бред. Вейра отравила мне огонь и всколыхнула то, что дремало на дне. Вот теперь и лезет что попало. Оборотница в том числе.

Следующие дни прошли незаметно. Меня не вызывали. Ведьма нашла, наверное, более сговорчивую игрушку и сейчас с ней развлекалась, а на бои чаще пускали пустышек. Так я называл драконов без разума.

На третий день наступила пора забыть лису, Вейру и все остальное. Я лежал на своем камне, готовясь вычистить последнее, и неожиданно почувствовал тонкую нить.

Она вырвалась из меня невесомой паутинкой и ушла за гору к серой земле. К той лисе, которую я бросил.

Осторожно, стараясь ее не порвать, я потянулся за ней и, пройдя весь путь, нащупал нечто маленькое и живое. Тут же узнал это всем нутром. Это был мой огонь. Я его тогда выплеснул в оборотницу на пике и ни о чем не думал. Ведьмы никогда не могли принять наш жар, поэтому я был спокоен. А тут все осело в лисице, прижилось и зацепилось. И там горел крохотный уголек, раздутый из моего пламени. В ней росло мое дитя!

Все внутри вмиг встало дыбом и развернулось следом за нитью.

Захр! Я ведь собирался все вычистить из своего разума. А теперь это стало единственным, чего я не отдал бы ни за огонь, ни за свободу.

До этого мне казалось, что лиса была случайностью. Именно поэтому я думал ее забыть. Но сейчас в ней полыхало мое пламя. Да, я рвался прочь из серого мира, не хотел туда снова возвращаться, и теперь...

Я лег обратно и смотрел на прибежище. Сюда смертному не влезть. И я точно знаю, кого принесу в свою обитель.

Глава 6

Френсис

После моего бунта потянулись серые будни. Я работала, спасала солдат, лечила раненых и злилась на весь мир.

Меня бесило все. Бесила Мэй, которая теперь старалась не попадаться мне на глаза, но чей запах я все равно улавливала в коридорах. Бесила плохая погода и вечный дождь. Бесила каша на завтрак, скрипучая койка в моем модуле и гул генераторов. Но больше всего меня бесило, что я оказалась в капкане и не могла из него сбежать.

Волки Лиама, получив разрешение от хозяина, сорвались с цепи. Сначала это были просто сальные взгляды и двусмысленные шуточки в столовой. А на третий день они перешли к активным действиям.

Первым попытался подкатить Стив, долговязый бета из штурмового отряда. Он зажал меня возле палатки со стерилизатором, упершись рукой в брезент прямо над моей головой, и дыхнул в лицо дешевым табаком. Я даже испугаться не успела, как из-за угла вынырнул Ричардс. Главврач сдержал свое слово. Он просто посмотрел на Стива взглядом старого, повидавшего жизнь медведя. Волк побледнел, сглотнул, пробормотал извинения и испарился.

После Ричардс отваживал от меня этих уродов с завидным постоянством, пригрозив, что любой, кто сунется к доктору

Фрэнсис с нерабочими вопросами, будет лечить свои раны подорожником.

Но он не мог быть всегда рядом.

Это случилось в пятницу вечером. Я зашла в процедурный кабинет, чтобы выкинуть использованные шприцы. Отходы класса Б нельзя было оставлять просто так. Когда за спиной скрипнула дверь и раздались тяжелые шаги, я как раз упаковывала их.

— А вот и наша одинокая лисичка.

По голосу я узнала Гордона, здоровенного и туповатого лося из личной охраны Лиама.

— Выйди вон, Гордон, — не оборачиваясь, бросила я. Мой голос прозвучал ровно, хотя внутри все сжалось. Лиса насторожила уши и припала к земле, готовясь к прыжку.

— Да ладно тебе, Фрэнни, — шагнул он ближе. — Чего ты ломаешься? Командир тебя бросил, ходишь тут злая, неудовлетворенная. Давай, расслабься! Я могу сделать так, что ты про него и не вспомнишь.

Его тяжелая ладонь легла мне на плечо. Моя реакция была быстрее мысли. В правой руке я все еще держала шприцы, которые готовила к утилизации. Я резко развернулась. Моя лиса, загнанная в угол, оскалила зубы, беря управление на себя.

Не раздумывая, я смахнула колпачок и просто со всей силы всадила иглу ему в предплечье.

Гордон взвыл. Не столько от боли, сколько от неожидан-

ности. Он отшатнулся, схватившись за руку, из которой торчал пластиковый цилиндр. Глаза его налились кровью, клыки удлинились.

— Ах ты сука бешеная! — прорычал он.

— В следующий раз, это будет скальпель. И я воткну его тебе не в руку, Гордон, а в шею. А в рапорте напишу, что ты пытался украсть лекарства.

Он уставился на меня расширенными глазами. Грузный, агрессивный самец вдруг увидел перед собой не покорную овечку, а того, кто может перегрызть ему глотку. Медленно, не сводя с меня взгляда, он вытащил шприц, сплюнул на пол и попятился к двери.

— И сдай потом кровь, шприц был использованный, — бросила я ему в спину.

Этим же вечером половина базы уже знала, что бывшая командира съехала с катушек и ее стали опасаться. Честно признаться, меня это вполне устраивало. Лучше быть сумасшедшей стервой с хирургическими инструментами, чем жертвой. Пусть обходят и не лезут.

Два дня я жила в относительном покое. А потом Лиам решил, что игры закончились.

Когда я сидела на посту и заполняла журналы расхода медикаментов, пришел лейтенант из штаба.

— Доктор Фрэнсис, — сухо произнес он. — Командир приказывает вам явиться к нему в модуль. Немедленно.

Я даже не подняла головы от бумаг.

— Передайте командиру, что моя смена еще не закончена. У меня много работы.

— Это приказ, доктор.

— Я прикомандирована к госпиталю и подчиняюсь доктору Ричардсу. Так что приказ вашего командира может идти лесом.

Молодой волк слегка изменился в лице.

— Доктор Фрэнсис, вы обязаны...

— Пошел вон! — рявкнула я, отбросив ручку на край стола. — И передай своему командиру, что я не хочу видеть его рожу!

Лейтенант выскочил на улицу, не говоря ни слова. С психованными не спорят.

Но я знала, что это так просто не закончится.

Лиам появился через двадцать минут. Влетев, как разъяренный ураган. Глаза его пылали огнем, а черты лица заострились из-за клыков.

— Ты совсем страх потеряла, Фрэнсис?! — прорычал он, нависая надо мной. — Что ты себе позволяешь?

Я вжалась в кресло, но взгляда не отвела.

— А что ты не понял? Я сказала, что не хочу тебя видеть.

— А меня не волнует, чего ты там хочешь! — Лиам ударил кулаком по столу так, что подпрыгнул графин с водой. — Ты сейчас же встанешь, соберешь свои манатки и переедешь обратно в мой модуль. Хватит маяться дурью!

— Я никуда с тобой не пойду!

— Пойдешь! — Лиам склонился ниже, скаля зубы. — Если придется, я притащу тебя силой. Ты меня поняла?

Наверное, если бы он столкнулся с прошлой Френни, то его угрозы бы подействовали. Но перед ним сидела новая я. Моя рука сама метнулась к стеклянному графину, стоявшему на столе. Я схватила его за ручку и с силой, вложив в этот бросок всю свою ненависть и боль, швырнула прямо ему в лицо.

Хотелось бы сломать этому придурку нос. Но он был альфой, Лиам даже не вздрогнул — просто выкинул руку вперед и легко перехватил тяжелый графин за долю секунды до того, как тот разбил бы ему лицо. Вода выплеснулась, обдав его форму и забрызгав стол.

Волк медленно опустил графин. Его глаза сузились до щелочек, а из горла вырвался низкий рык. Он шагнул ко мне, желая разорвать.

— Что здесь происходит?! — раздался громовой бас Ричардса.

Главврач стоял в дверях. Он был ниже Лиамы, полнее, и намного старше, но все еще мог потягаться с ним в силе.

Лиам остановился. Медленно повернул голову к Ричардсу.

— Это не твое дело, старик, — процедил он сквозь зубы. — Это семейные дела.

— На моей территории нет семейных дел, командир. Это мой госпиталь. А доктор Фрэнсис — ценный сотрудник. Ес-

ли у вас есть претензии к ее работе — подавайте рапорт. Если нет — покиньте помещение.

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

Лиам шумно выдохнул, возвращая контроль над зверем. Он поправил воротник формы, стряхнул капли воды и снова повернулся ко мне. Вся ярость исчезла, уступив место холодной, снисходительной усмешке.

— Прекращай этот детский сад, Фрэнни. Поиграла в обиженку, и хватит. Собирай вещи и возвращайся ко мне. Мы все равно пара. И у нас скоро свадьба.

— Я разорвала помолвку. Между нами все кончено.

Лиам тихо рассмеялся.

— Наивная глупая лисичка, — покачал он головой, глядя на меня сверху вниз. — Ты думаешь, что твои истерики что-то решают? Наши кланы заключили сделку, Фрэнсис. Это политический альянс. И хочешь ты того или нет, но мы поженимся.

— Я против... — прошептала я, но голос дрогнул.

Усмешка Лиамы стала шире.

— Тебя никто не спрашивает. А сразу после свадьбы ты родишь мне наследника. Так что прекращай страдать фигней.

Больше не смотря на меня, Лиам развернулся и вышел. Ричардс проводил его тяжелым взглядом, вздохнул и молча прикрыл за собой дверь, оставляя меня одну.

Дрожащими руками я достала телефон. Набрала номер

отца. Я должна была услышать от него, что Лиам врет.

Отец ответил почти сразу.

— Фрэнсис? Что-то случилось?

— Папа... — Мой голос сорвался. — Папа, Лиам сказал... он сказал, что у нас все равно будет свадьба. Это правда?

На том конце провода повисла гнетущая тишина. Только легкое потрескивание связи выдавало то, что вызов еще не сброшен.

— Да, — наконец ответил отец. — Это правда.

— Но папа! — Я вскочила, слезы хлынули из глаз. — Он мне изменил! Я его ненавижу! Я не хочу за него замуж! Вы не можете меня заставить!

— Фрэнсис, прекрати истерику! Твое поведение недопустимо. Ты позоришь нашу семью своими капризами.

— Капризами?! Он спал с другой на моих глазах! Он относится ко мне как к вещи!

— Это мелочи, Фрэнсис! — рявкнул отец, теряя терпение. — Мужчины полигамны. Ты станешь его женой, матерью его детей. Это честь для нашего рода. И мы не собираемся терять такой союз из-за твоей уязвленной гордости. Будь выше этого!

Воздуха стало не хватать.

— Более того, — продолжил отец тоном, не терпящим возражений. — Мы с Хеггеном обсудили сложившуюся ситуацию. Учитывая твою нестабильность и обстановку на фронте, приняли решение не откладывать церемонию.

— Что? — прошептала я одними губами.

— На следующей неделе в ваш лагерь приедут поверенные от обоих кланов. Брак зарегистрируют прямо там. И чтобы без фокусов, Фрэнсис. Хочешь ты или нет, это дело решенное.

Не в силах ему ответить, я молчала.

— Ты меня поняла? — с нажимом спросил отец.

Я медленно опустила мобильник и нажала на кнопку отбоя. Говорить с отцом мне было больше не о чем. Телефон сразу же завибрировал, но я не стала отвечать. Бросила его в стену, лишь бы он заткнулся.

Меня все предали. Оставили без защиты. Я была одна и моя жизнь, мои желания и мое тело мне больше не принадлежали.

Хотелось выть. Но я не могла потерять лицо перед всеми и показать свое отчаяние.

Быстро встав, я бросила недоделанную работу и пошла через лагерь к своему модулю, спиной чувствуя любопытные взгляды. Все вокруг ждали моей реакции. Они знали, что Лиам меня сломает. Для них это был лишь вопрос времени, когда строптивая лисица подожмет хвост и примет свою участь.

Добравшись до комнаты на негнущихся ногах, я захлопнула дверь и, закрылась на замок, шагнула в душевую кабинку прямо так. В ботинках и в халате.

Я просто повернула вентиль холодной воды до упора. Ле-

дяная струя ударила по макушке, мгновенно пропитав одежду. Сев на корточки, я обхватила себя руками и наконец-то заплакала.

Слезы душили. Они вырывались наружу жалкими всхлипами. Вода заливала глаза, попадала в приоткрытый рот, но я не двигалась. Мне нужно было это очищение и пробирающий до костей холод, чтобы заморозить панику. Надо было успокоиться и придумать, как сбежать.

Тело была крупная дрожь, мокрая ткань противно липла к коже, но боль никуда не уходила.

Господи, как бы мне сейчас пригодилась фляжка доктора Ричардса... Хоть один глоток его обжигающего пойла, чтобы просто отключить мозг.

И вдруг...

Я замерла, перестав дышать. Сквозь ледяной поток воды и слои мокрой одежды я отчетливо почувствовала прикосновение.

Широкая, обжигающе горячая ладонь легла мне между лопаток.

Распахнув глаза, я уставилась в белую стенку кабинки перед собой. Вода шумела, с плеском разбиваясь о поддон. Я была одна.

Но ощущения не исчезали. Вторая рука — фантомная, невидимая, но абсолютно, пугающе реальная — мягко скользнула по моему плечу. Спустилась ниже. Горячие пальцы почти невесомо, успокаивающе легли мне на живот.

А потом я услышала его.

Прямо над ухом. Так, близко, что, казалось, я должна была почувствовать дыхание. Знакомый хриплый голос.

Гарр.

«Плачешь».

Я вскочила, завертевшись волчком, дико озираясь по сторонам. Пусто!

«Кто обидел?»

Снова раздалось в моей голове. На этот раз в базе прорезались рычащие нотки.

Отчаянно вскрикнув, я отшатнулась назад, поскользнулась и, не удержав равновесия, спиной вперед вывалилась из душевой кабинки.

Удар об пол выбил воздух из легких, и я закашлялась, отползая в угол. Прижала ладони к ушам, сжавшись в комок.

Тишина.

Только шум воды за спиной.

Никто меня не касался и не говорил в моей голове.

С ужасом я осознала, что схожу с ума, от стресса и горя просто поехала крышей.

Моя психика не выдержала. Измученное подсознание, пытаясь спастись от реальности, не нашло ничего лучше, чем выдумать защитника. Нарисовать иллюзию. И кого? Незнакомого здоровяка, с которым мне приснился тот нелепый, горячий сон!

Я нервно, истерично хохотнула, убирая мокрые пряди с

лица.

Слава Луне, больше я не слышала его голоса. Моя кожа покрылась мурашками от холода, а фантомное тепло чужих рук бесследно исчезло. Галлюцинация отступила так же внезапно, как и появилась.

Значит, я еще не окончательно повернулась, а просто нахожусь на грани нервного срыва. Мне нужно встать. Снять мокрую одежду. И придумать план.

Глава 7

Гарр

В тот вечер ведьма выпила из меня все. Вейра этим занималась уже две недели.

Загнав меня в скорлупу, она отступила и дала той закрыться. Этот кокон был гладкий и тихий изнутри. Проглотил меня целиком. И тут же засветился ярким светом, от которого глаза сразу же начали слезиться.

Я не знал, как устроен этот аппарат. Просто в какой-то момент выдвинулось множество тонких игл, и все они впились в мою кожу. А затем потянули силу в мутные емкости, чтобы то, что росло в баках, оформилось окончательно.

В этой скорлупе мне приходилось стоять, и она пила меня совершенно бесстрастно. А я все ждал, когда же меня наконец выпустят.

Уж лучше бы гоняли на фронт как тех пустышек. Но их не жалко. Онидохнут, где велят, и никто не переживает за это. А вот таких, как я, использовали, чтобы выращивать новые поколения.

Последние дни Вейла будто взбесилась. Дергала к себе каждый день, обнюхивала и гоняла из зала в зал. Чувала что-то неладное. Но мне было плевать. Лишь бы поскорее отпустила.

Сегодня я улетел от нее уже затемно. Ворвавшись в обла-

ка, я с трудом дотянул до своей горы и рухнул на камень.

А спустя несколько минут пошел дождь.

Сначала я смотрел, как он разбивается о камни у входа, собирается в узкие струйки и течет вниз. Мне туда не хотелось, ведь драконы не жалуют воду. Но вдруг я ощутил тонкую нить, что тянулась за горы.

Всю прошлую неделю оборотница давала мне лишь обрывки. Я чувствовал плеск, пар. Девушка мылась только в душе, и до меня все доходило еле-еле. А в этот вечер нить вдруг натянулась: на другом конце лисица вошла вся в большую воду. С головой. И меня будто молнией прошибло.

Поднявшись, я вышел под дождь и встал под него. Раскинул руки, впустив холод. И вода перенесла меня к ней.

Оборотница стояла в воде по бедра в широком белом платье со множеством юбок. Я не сразу понял, в чем дело. Платье было тяжелое, оно напилось и теперь тянуло вниз, облепляя фигуру девушки.

А та стояла посреди широкой квадратной чаши под открытым небом, и от нее шел пар. Она была злая. Даже отсюда я чувствовал, как сильно бьется ее пульс.

«Ты зачем так вырядилась?» — не разжимая рта, произнес я ей в голову.

Мы находились за сотни верст друг от друга, но лисица меня слышала и вздрогнула всем телом. А затем крутанулась в воде, расплескав ее, ища за спиной источник звука.

Меня там нет, лиса. Вертись сколько хочешь.

— Опять ты? — выдохнула она. — Тебя нет. Ты мне приснился тогда и сейчас тоже снишься!

Я чуял, что оборотница за это цепляется. Ей нужно было как-то оправдать неведомую магию.

Хорошо. Пусть так, мне даже удобнее.

«Платье», — повторил я и приблизился.

Она зло рассмеялась, как сумасшедшая. Глаза горели безумным блеском.

— Это свадебное платье. — Лисица дернула мокрую ткань, словно хотела ее содрать. — Меня замуж выдают через несколько дней. Притащили портниху и поставили мерить. Да еще и крутили как куклу. А я взяла и нырнула в этом в бассейн. Хочу, чтобы отец полюбовался.

Выдают... замуж. Эти слова эхом разнеслись в моей голове и ударили ножом в грудь, заставив кровь вскипеть. И я не стал гасить жар гнева.

«Не пойдешь!» — отрезал я.

Девушка снова завертелась и остановилась уже ко мне спиной. Не видела меня. А я приблизился почти вплотную.

— Ты кто вообще такой, чтобы мне указывать? — наконец прошипела она, обхватив себя руками и вскинув подбородок. — Замуж не пускаешь. Сам, что ли, в мужья метишь? Ты ведьмак?

«Нет».

— Тогда кто? Кто говорит со мной в моей голове и туда постоянно лезет? Отвечай!

Редко капающий дождь усилился, и теперь вода была снизу и сверху, полностью нас окружая.

«Ты думаешь, что это бред, — спокойно ответил я. — Вот и думай так».

— Нет-нет-нет! — усмехнулась лисица. — Ты посмел залезть туда, куда не звали. И я не сошла с ума. Не смей делать из меня больную.

«Мы не будем разбираться, кто я. Просто помни, что я сказал: ты не пойдешь замуж!»

— А что, если не стану слушать? — упрямо спорила она. — Если развернусь и уйду. Что мне сделает мой собственный бред?

Я не мог полностью ее коснуться, но все же положил руку на оголенные лопатки. И она ощутила это. Ее дыхание замерло.

«Накажу, — тихо сказал я. — Когда свидимся».

— Мы не встретимся никогда. — Она мотнула головой, и мокрая прядь прилипла к щеке. — Ты не человек и не зверь. Ты вообще ничто, просто оживший голос из воды.

«Не совсем так, — наклонился я к ее шее. — Не сопротивляйся мне».

Я провел руками по ее плечам и спустился к ладоням. Она чувствовала жар, но не само прикосновение. Стояла, как вкопанная, и ждала.

«Трогай себя», — велел я ей в голову.

— Что?!

«Положи свои руки туда, куда скажу».

— Ты... — Девушка задохнулась от возмущения. — Да ты хоть понимаешь, что несешь?

«Сама хотела проверить, бред это или нет».

Она шумно выдохнула, и я увидел сбоку, как закрылись ее глаза.

— Что трогать? — бросила лисица.

«Мургу. Возьми ее».

— Что взять?

«Грудь».

Она долго стояла, дрожа всем телом, и я уже думал, что не станет ничего делать. Убежит от меня по-лиси.

Но девушка пробормотала:

— Бред какой-то. Мне все это чудится. Проснусь и ужаснусь потом.

И с этими словами ее ладони накрыли грудь.

Мне было плевать, чем она все это оправдывает. Важно лишь одно, что с каждым касанием, нить между нами накалялась и по ней начинало струиться тепло, делая все более осязаемым.

«Сожми ее. Да. Так...»

Она подчинилась и судорожно вдохнула.

«А теперь граты».

Я смотрел на набухшие камешки, проступающие под тонкой тканью между ее пальцев.

— Я не поняла...

Тогда я сам провел по ее ладоням и коснулся затвердевших вершинок.

«Покрути их».

— Это выглядит очень странно, — пробормотала она.

«Тише. Делай, что говорю».

Грубое я брал на себя. Видел, как она сомкнула пальцы на гратах.

«Сильнее».

Лисица сдавила их так, что зашипела сквозь зубы. И от этого толчка ее эмоций у меня все уплотнилось вокруг. Ладони стали более осязаемыми. Я тут же обхватил ей горло сзади, а пальцы второй руки стиснули бедро сквозь набухшую ткань. Она дрожать перестала, потому что вода под нами стала почти горячей от меня. Сама девушка замерла.

«Продолжай, — шепнул я. — Подол».

Меня не учили быть ласковым. Я мог лишь брать. И медленно не получалось. Но сейчас надо по-другому. В ее ритме. С жаждой наблюдать, куда не спеша идут ее руки, потому что ей там было хорошо.

«Задери подол», — повторил я.

— Не могу, платье. Оно...

Я помог. Положил свою ладонь поверх ее, и мы вместе потянули тяжелую ткань, собирая в кулак и задирая выше бедер. Вода лизнула ее голую кожу, а после я направил ее руку между ног.

— Я чувствую себя по-идиотски, — прошептала она.

«Думаешь много».

— Ты меня снова загипнотизировал?

«Нет. Это твоя рука».

— Какой-то бред. Я просто сошла с ума, и всего этого не существует.

Тем не менее лисица не сопротивлялась. Рвано дышала и кусала губу. А ее рука, меж тем, накрытая моей, мерно покачивалась.

Я знал, что девушки получают удовольствие от этого, но сам никогда не удовлетворял их. Ведьмам нужно другое, они сами справлялись со своими потребностями. А сейчас я впервые следовал за ощущениями оборотницы.

«Захр! — вырвалось у меня, когда я сам стал ощущать горячий кхарн. — Да, так».

У меня нет стеснительности. Поэтому я поднес свободную руку к враху. Тот уже налился и отвердел. Я забирал огонь лисицы и брал себя в воде. Сейчас не чувствовал себя беззащитным.

— Нет, это ты, — простонала она. — Это не я. Это ты в меня...

«До сих пор не веришь? Я не воздействую на тебя ментально».

— Не разобрать... где ты, а где я...

«Тогда не разбирай».

Во мне уже все бурлило. Ее руки, мои слова, тепло, что исходило от девушки и наш огонь — все это переплелось в

большой клубок. И ни мне, ни ней уже его не размотать.

— Я уже близко, — выдохнула она. — Сейчас...

Но лисица замедлилась, будто хотела оттянуть свой пик.

«Не смей замирать!» — приказал я.

— Не могу так. Я тут одна и...

«Я здесь».

И тогда я прижался к ее мокрой спине. Она ахнула, но повернуться боялась. Я же накрыл ладонью ее грудь, стиснул сам граты и уткнулся в ее шею. Вдохнув запах девушки, понял, что в голове помутилось. Ее собственная рука ходила между бедер, и я торопил ее, скользнув своей и задав нужный ритм.

— Ты все же не моя выдумка, — задохнулась она. — Я спиной чувствую, какой ты горячий.

«Все так», — выдохнул я ей в шею.

— Кто ты, Гарр?

«Скоро узнаешь».

Секунда, и ее накрыло волной. Девушку выгнуло и у нее все сжалось. И в этот самый миг я впился зубами ее шею. Прикусил так, где билась жилка. Держал ее, будто хищник добычу.

Лисица кончила на этом, выпустив глухой стон. Нить распахнулась настежь, и в это короткое мгновение мы почти полностью ощущали друг друга.

Она чуть повернула голову и застыла, увидев меня. А после я сам сорвался в бездну и меня снесло лавиной. Контроль

над телом слетел и тут же рванули ледяные воспоминания.

На этот раз я видел огромный каменный зал, уходящий во тьму. В глубине его возвышался высокий трон, словно вырубленный из гранита. А на нем сидел король. Я не знал его лица, но чувствовал власть вожака. Он был старше меня, и в нем горел такой огонь, которого я даже не знал никогда. На голове блестел обод из тяжелого металла. Это корона.

А перед троном в темноте зала мелькала сотня огней. Я знал, что это жизни драконов. И все они тянулись к трону, будто бы король был очагом, а они — его угольками, разнесенными по холодному замку. Он сидел, и они сходились к нему магнитами.

Меня тоже рвануло к этому огню. Я ничего не знал о короле и никогда не видел этого места, но сопротивляться не мог.

Скарр!

Все в мгновение погасло. Я рухнул на четвереньки. И яркость медленно рассеивалась, погружая меня в реальность.

Вокруг было темно и шел дождь. Да, я все еще находился у входа в свое логово, полностью выпотрошенный. Сперва жар взяла Вейла, а теперь потратил последнее на лисицу. До сих пор не знал ее имени. Но почему-то от этой мысли усмехнулся.

Мое тело все еще дрожало и сжималось спазмами. Я чувствовал нить, но больше не шел по ней. Теперь оборотница знает, что я ее не преследуют призраки. Она не догадывается.

ся, кто я и зачем приходил. Но это не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.